

КАК ПРАВИЛО, «предъюбилейные» интервью проходят по священному традицией «протоколу»: несколько фактов из биографии, творческие планы... Но такое явно не в характере Игоря Олеговича: прямо с порога не я ему, а он мне стал задавать вопросы:

— «Чужую ношу» у нас видели? Что о ней говорят? Как реагируют — вы же слышите разговоры зрителей? Ведь для нас это не просто очередная премьера, спектакль носит принципиальный характер. Мы посвятили его 70-летию Октября, и он стал в своем роде первой ласточкой на ленинградской сцене: спектакль, в котором мы попытались передать самое насыщенное сегодня для всех и каждого — чувство идущей повсеместно перестройки, попробовали обнажить нравственные рычаги обновления, показать, как меняются позиции людей в процессе борьбы.

В двух словах — о том, что происходит в «Чужой ноше». Мой собеседник играет в этом спектакле ключевую роль — кадрового рабочего Кормилицына. В его бригаде некогда работал нынешний председатель горисполкома Гроздев. Приближаются новые выборы. Кормилицына называют доверенным лицом Гроздева. И вот бригадир, вместо того чтобы, как принято было, проагандировать своего кандидата в депутаты, напротив заявляет зарвавшегося «мэру», бюрократу и чинуше: не твоя это ноша — высокий пост народного избранника. Или уходи добровольно, или я, колы я лицо доверенное, отложу бумажку, подготовленную твоими лизоблюдами, — и всенародно скажу о том, что ты растерял свою рабочую честь, что ты не достоин ни своего места, ни нашего времени.

— В жизни, — продолжает размышлять о своей новой роли Игорь Олегович, — найдется еще немало примеров тому, что чиновник, бюрократ, даже казнокрад отнюдь не получают сполна всего, чего заслуживают. Ох, как часто мы — я имею в виду и конкретных нас с вами — не решаемся сказать прямо в глаза облеченному властью хапуге: ты — нечистоплотен, и руки я тебе не подам!

А ведь нынешняя переделка нашей жизни — она вся борьба за чистоплотность, понятую в самом широком смысле: за нашу нравственную чистоту, за чистоту наших рядов, чистоту нашей демократии. В конечном счете — за чистоту социализма. И борьба эта идет повсюду, в городе и деревне, в учебном

заведении и в театре, в армейских рядах — адреса можно называть любые, суть не в них, а в самой сердцевине происходящего: мы учимся жить и работать по совести.

— Я сейчас вспоминаю ваше выступление на XXVII съезде партии. Прозвучало в нем хорошее старое русское слово, уже полузабытое: «совестливость».

— Полузабытое, это вы верно... Вот как раз в «Чужой ноше» и в предшествующей ей постановке того же автора, московского драматурга

актер — уверен, что такой существует. Когда снимался в фильме «Офицеры», например, несколько месяцев провёл в одной из частей Ленинградского военного округа. Постоянное общение с солдатами, офицерами давало живой импульс моей игре, работе перед кинокамерой. Как получилось — это уже судить не мне. В фильме «Командир корабля» я играл Плакушу. Прочно живут в сердце воспоминания о съемках этой картины. Проходили они на одном из кораблей Черноморского флота. Я, на-

Нельзя не вспомнить и одну из недавних работ И. Горбачева — постановщика и исполнителя главной роли в спектакле «Фельдмаршал Кутузов». Память сохранила впечатления военного времени: именно тогда была создана эта пьеса в стихах В. Соловьева, в ней играли мои родители-актеры перед фронтовиками. И героический пример воинов Отечественной войны 1812 года помогал бить врага бойцам Великой Отечественной войны.

— В чем секрет долгожительства «Фельдмаршала Ку-

тузов»?.. — повторяет мой вопрос Игорь Олегович. — В том, что произведение это будет в нашей душе нетленное чувство патриотизма, напоминает, что мы, именно мы сегодня наследуем воинские традиции наших предков. Каждый из нас, военный, гражданский ли ты человек, несет моральную ответственность за состояние обороны Родины. Да, мы — самая мирная держава, политика мира провозглашена в одном из первых ленинских декретов. И мы готовы к диалогу с другими державами — диалогу о мире. Но сколько военных бед полной чашей испил народ этой самой мирной страны? И пока сохраняется опасность войны, профессия военного остается не менее нужной, чем профессия ученого, хлебороба или токаря. И театр, учреждение, ответственное за воспитание людей, не может не быть воспитателем патриотов.

— Ваше право, Игорь Олегович. Но пока пьеса не в афише, вас не гложет беспокойство: а вдруг окажется, что оба автора... ну, скажем осторожно... не очень?..

— Не Шекспир, не Островские и не Треневы, хотите ли сказать? Я — противник режиссерской «линии ожидания»: вот придет, дескать, гений, тогда и поставим его пьесу. Работа театра, помноженная на пыл актерского сердца, режиссерскую страсть, должна рука об руку идти с автором молодым, но сумевшим выкристаллизоваться из общей массы «желающих писать». Олег Перекалин со своими пьесами обошел несколько известных столичных театров, но там, наверное, тоже подумали: «не Шекспир». Мы осторожно не стали. И публика приняла наш эксперимент.

Поскольку зашла у нас речь об армии, Игорь Олегович не удержался, похвалился: его сыну, находящемуся сейчас на срочной службе, присвоено звание сержанта

— Вот принес бы кто-то пьесу о таком человеке, как старший прапорщик Борис Михайлович Артамонов, с которым служил сын. По его рассказам, этот человек отмечен божьим даром незаурядного воспитателя. В пьесах, писанных об армии, делаются попытки «организовать» конфликт там, где его по сути нет: конфликт между личностью и уставом. А вот о том, как перековываются характеры, как мужают наши дети под присмотром таких учителей, как Борис Михайлович, пишу мало и неинтересно.

А ведь им приходится куда как не легко, воспитателям в погонах. Слишком много наносного влияет на нашу молодежь. Вот вы говорите, шли к нам — и смотрели на афиши, рок-панорамы, рок-парады, даже в Капелле — программа «От классики до джаза». Развлекательная масскультура...

Вы знаете, театр перестраивается. И мы, пушкинцы, включаемся с нового года в эксперимент. Но эксперимент этот — экономический. Идеологическая работа театра была, есть и остается постоечно. Тот театр, где мы с вами сейчас сидим, построен великим Росси. Его не надо перестраивать ломая. Так и с театром, так и с культурой вообще. Ломать надо отжившее — да, но не фундамент. И не забывать, что это мы с вами должны воспитывать наших детей, все вместе: дом, семья, школа, театр, музыка, литература. Это мы отвечаем за духовный рост поколения. И там, где недорабатываем мы, приходится за нас работать таким, как Борис Михайлович.

Театру требуется сегодня более властно вмешиваться в духовную жизнь молодого поколения. В наших жилах, в жилах наших детей и внуков — та же кровь, что питала Александра Ярославича Невского, Михаила Илларионовича Кутузова, Георгия Константиновича Жукова. А вот, интересно, в военкоматах, когда ставят на воинский учет, задают призвикам вопрос «на засыпку»: знают ли они, как звать-величать наших великих полководцев? Должны же мы быть ванами, помнящими родство! И если ребята не знают — пусть их присылают в наш театр. Мы подкажем. Научим. Учить — это высочайшее предназначение Театра.

Н. ВАСИЛЬЕВ.

Встречи по вашей просьбе

Игорь ГОРБАЧЕВ:

ПОМНИТЬ, ОТКУДА РОДОМ

...Сегодня Игорю Олеговичу — шестьдесят лет. Сегодня коллеги по Ленинградскому академическому театру драмы имени А. С. Пушкина будут поздравлять художественного руководителя театра. Студенты — своего профессора. Деятели культуры — народного артиста СССР, лауреата Государственной премии РСФСР, Героя Социалистического Труда. Воины Ленинградского военного округа — шефа, которого хорошо

знают по многочисленным выступлениям в войсках.

А все мы вместе поздравим любимого актера и режиссера, человека, создавшего десятки замечательных сценических образов, и многие не без оснований скажут, что это он, Игорь Горбачев, научил их любить и почитать высокое искусство, видеть в театре доброго друга и мудрого советчика.

Олега Перекалина «Требуя суда» тема совестливости звучит доминантой. Перемены в нашем обществе открыли театру широкий простор для поиска героев, подобных моему Кормилицыну: людей активных, предельно честных, непримиримых к несправедливости и коммунству, готовых отстаивать свои идеалы.

На сцене Игорь Олегович давно, еще с 1954 года. И, что называется, с порога, с первого выхода в Пушкинском театре, он заявил о себе как о даровитом, ярком исполнителе. И вот что характерно: всегда с особой охотой, влюбленно и достоверно играл он роли людей военных.

Это был, например, военврач Устименко из «Дело, которому ты служишь», личностно масштабная, волевая, твердый характер, его сегодня бы назвали в числе «прорабов перестройки». Военмор Алексей из «Оптимистической трагедии». Капитан 3 ранга Бакланов из «Второго дыхания». А тем, кому не довелось смотреть спектакли Пушкинского, памятные, конечно, образы, созданные в кинематографе, — взять хотя бы Огнева из картины о создателях отечественной боевой техники «Укрощение огня».

— Всегда стараюсь не просто «надеть» на своего героя военную форму, это было бы куда как легко: сменил одежду — и ты уже другой человек. Искал военный ха-

актер, досаждал морякам своими приставаниями: что, мол, да как надо поступать, как вести себя подлинно флотскому человеку, офицеру... Многие вошли в роль, многое вошло и в жизнь мою: ведь характер, который мы играем, воспитывает не только зрителей, он воспитывает и актера.

За несколько дней до нашей встречи я пересмотрел по телевидению уже знакомый телесериал «Операция «Трест». Якушев. Сложная судьба, сложный, многогранный образ. Как благородно играет его Горбачев! Неспешно идет его Якушев к сотрудничеству с чекистами, неспешно и трудно — но неуловимо. Здесь мне видится умение актера раскрыть в сердце своего «антигероя» то, что оказывается выше словесных предубеждений — чувство любви к Родине, веру в свой народ. Ведь именно это привело в ряды борцов за власть Советов многих русских интеллигентов, военспецов — даже из стана тех, кто поначалу шел против своего народа, отстаивал ложные интересы.

Кое-кто из моих коллег — актеров и режиссеров — считает такие спектакли «несовершенными». Я не согласен. Конечно, «Чужая ноша» и «Требуя суда» — сегодняш-

не вопрос Игоря Олегович. — В том, что произведение это будет в нашей душе нетленное чувство патриотизма, напоминает, что мы, именно мы сегодня наследуем воинские традиции наших предков. Каждый из нас, военный, гражданский ли ты человек, несет моральную ответственность за состояние обороны Родины. Да, мы — самая мирная держава, политика мира провозглашена в одном из первых ленинских декретов. И мы готовы к диалогу с другими державами — диалогу о мире. Но сколько военных бед полной чашей испил народ этой самой мирной страны? И пока сохраняется опасность войны, профессия военного остается не менее нужной, чем профессия ученого, хлебороба или токаря. И театр, учреждение, ответственное за воспитание людей, не может не быть воспитателем патриотов.

— Ваше право, Игорь Олегович. Но пока пьеса не в афише, вас не гложет беспокойство: а вдруг окажется, что оба автора... ну, скажем осторожно... не очень?..

— Не Шекспир, не Островские и не Треневы, хотите ли сказать? Я — противник режиссерской «линии ожидания»: вот придет, дескать, гений, тогда и поставим его пьесу. Работа театра, помноженная на пыл актерского сердца, режиссерскую страсть, должна рука об руку идти с автором молодым, но сумевшим выкристаллизоваться из общей массы «желающих писать». Олег Перекалин со своими пьесами обошел несколько известных столичных театров, но там, наверное, тоже подумали: «не Шекспир». Мы осторожно не стали. И публика приняла наш эксперимент.